
МЕСТО ТЕХНИКИ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Попкова Н. В.*

В статье рассматриваются различные философские подходы к анализу техники, анализируется их применимость для рассмотрения современных глобальных проблем. Показано, что получаемые теоретические модели и практические рекомендации зависят от понимания техники: существуют разные взгляды на ее сущность. Традиционный взгляд на технику как на пассивный инструмент недостаточно эффективен в качестве основы для философского анализа. Раскрывается альтернативная концепция, понимающая технический прогресс как ступень глобальной эволюции; анализируются ее достоинства и недостатки. Делается вывод, что дальнейший философский поиск необходим, так как различные взгляды на технику служат базой для противоположных программ выхода из современного экологического кризиса.

Ключевые слова: техника, эволюция, природа, философия, глобальные проблемы современности, глобальный эволюционизм.

The article examines various philosophical approaches to the analysis of technology and analyzes their applicability for examination of contemporary global problems. It is shown that the obtained theoretical models and practical recommendations depend on the understanding of technology: there are different views on its essence. The traditional view of technology as a passive tool is inefficient basis for philosophical analysis. The author presents an alternative concept that interprets the technological progress as a stage of global evolution; its advantages and disadvantages are analyzed. It is concluded that the further philosophical search is needed since different views on technology become the basis for opposing projects of overcoming the current environmental crisis.

Keywords: technology, evolution, nature, philosophy, global problems of modernity, global evolutionism.

Современные глобальные проблемы большинством исследователей объясняются начавшимся в XX в. ускорением технического прогресса и неконтролируемым ростом порождаемой им техносферы [Попкова 2005; Снакин 2010]. Несмотря на то, что уже несколько десятилетий научное сообщество предлагает программы природоохранной деятельности, значительных успехов в предотвращении негативных последствий промышленного роста не достигнуто, что объясняется недостаточной теоретической обоснованностью данных программ [Ильин 2016; Лось 2016; Урсул 2014]. Философская рефлексия может помочь при методологическом анализе предлагаемых путей выхода из современного цивилизационного кризиса, в частности проясняя и артикулируя заложенные в них неосознанные принципы и ценности [Попкова 2010: 7–38].

* Попкова Наталья Владимировна – д. ф. н., к. т. н., доцент, профессор кафедры «Философия, история и социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет». E-mail: prorkova12@rambler.ru.

Среди проблем, требующих методологической проработки, заметное место занимает прояснение терминологии; в частности, центральное понятие данной области исследования «техника», как выясняется, не имеет общепринятого значения и разные философские подходы вкладывают в этот термин различное содержание [Попкова 2014б: 7–21]. Традиционный взгляд на технику, лежащий в основе большинства имеющихся концепций, не учитывает многие наблюдаемые аспекты технической деятельности, что вызывает практические трудности.

Привычное, основанное на «здоровом смысле» понимание техники охватывает совокупность инструментов и технологий, созданных людьми для облегчения процессов преобразования природы и удовлетворения своих потребностей. Считается, что сознательное воздействие людей возможно на все параметры технической реальности. Утверждается, что техника создается человеком с утилитарными целями – для облегчения присвоения природных богатств. Различия между природными и техническими объектами считается очевидным. Например, природные системы способны к самоорганизации и саморазвитию за счет черпаемых из окружающей среды вещества и энергии, а технические изделия создаются человеком и без его вмешательства способны только разрушаться. За счет внешних ресурсов энтропия живых систем уменьшается, а энтропия систем технических, напротив, растет [Петров 2004: 345–348]. И технические, и культурные формы деятельности являются нарушением естественного порядка вещей и представляются как искажение процессов природных. Человек – венец эволюции, единственное разумное существо на Земле, способное к саморазвитию и созданию искусственной среды: он использует и преобразует остальные природные объекты. Под природой понимается дочеловеческая ступень развития биосферы, содержащая менее совершенные (нежели у человека) формы жизни и сознания, не обладающие разумом. Она подчиняется собственным закономерностям, которые люди могут выявить и использовать для улучшения своей жизни. Итак, техника и природа традиционной концепцией противопоставляются; человек объявляется единственным творцом техники, а она – послушным орудием человека, продолжением и дополнением его организма. Человек – активный субъект, природа – пассивный объект, техника – инструмент, посредник, активный по отношению к природе и пассивный по отношению к человеку – вот основные тезисы традиционного понимания техники. Воздействие техники на природу оценивается двойственно. С одной стороны, за человеком признается право на разумное использование и изменение природы, поскольку он (как носитель разума) является онтологически высшим существом на Земле. С другой стороны, неконтролируемое потребление природных ресурсов и загрязнение окружающей среды вредят человечеству и должны быть осуждены. Но в целом рост техносферы воспринимается позитивно, как элемент единого прогрессивного процесса преодоления стихийности природы и человеческой души – замены спонтанных процессов саморегуляции системой эффективных, рационально сформированных практик [Попкова 2014б: 311–312].

Какие экологические взгляды могут развиваться на основе этого понимания техники? Природоохранная деятельность оправдывается интересами людей, а не природы и других живых существ. Причиной современного техногенного кризиса считаются ошибки человека, ради непосредственных корыстных интересов хищнически эксплуатирующего природу и лишаящего будущие поколения благоприятной среды обитания. Необходимо восстановить контроль за всеми экономиче-

скими и экологическими процессами на планете путем научного планирования технической деятельности [Попкова 2014б: 299–302].

В чем недостатки этой концепции? Во-первых, она использует понятия, сформировавшиеся в рамках механистической картины мира и не учитывающие разработанной в течение XX в. теории сложных систем. Во-вторых, она не в состоянии найти объективные причины появления техногенных проблем и предложить обоснованную глобальную программу их преодоления. Следовательно, привычные способы категоризации техники нуждаются в переосмыслении и создании новых концепций, раскрывающих ее сущность.

Пытаясь преодолеть ограниченность традиционной модели, защитники природы предпочитают порицать и технику, и техногенные трансформации природы, и техническое отношение к миру: они видят в технической реальности нечто неестественное, искажение природы, а вносимые техникой изменения заранее объявляются недопустимыми и вредоносными [Ее же 2014а: 250–260]. Нередко на этом философский анализ техники заканчивается и начинается обличение современной цивилизации. Немногие исследователи уделяют внимание категориальному и методологическому анализу этого многопланового явления: по мнению В. М. Розина, общепринятые определения техники «механистичны, если не противоречивы в понятийном отношении», дают только иллюзию объяснения. Натуралистическое или инструментальное представление техники неприемлемо, утверждает Розин: после научно-технической революции необходимо понимать технику не как средство производства, а как проявление интеллектуальных и социокультурных процессов [Розин 2012: 180]. Чтобы получить многомерное представление о ней, необходим анализ предлагаемых дискурсов и концепций, то есть «споров о технике и ее сущности» [Его же 2006: 7–8]. Например, технику можно характеризовать в качестве «естественно-искусственной», зависящей от человеческой деятельности, но не являющейся ее продуктом. С одной стороны, деятельность – условие существования технической реальности, она обеспечивает ее воспроизводство и развитие. С другой стороны, техническая реальность предшествует деятельности каждого человека, являясь ее условием (наряду с социальными институтами). Основная проблема в том, что изучение техники не является объективным и незаинтересованным, оно ведется с конкретной целью: исследователи хотят получить не только законы технической реальности, но и возможность влиять на ее развитие, чтобы разрешить «кризис, вызванный, конечно, не только техникой, но и техникой в том числе». Изучение техники, считает В. М. Розин, требует понимать ее «как момент этого неблагополучия» и постоянно помнить о главной цели – разработке методов разрешения кризиса, то есть «идей ограничения экстенсивного развития техники... концепций создания принципиально новой техники, т. е. такой, с которой может согласиться человек и общество, которое обеспечивает их безопасное развитие и существование» [Там же: 6–7].

Техническую реальность В. М. Розин считает разновидностью реальности социальной, включающей «созданные цивилизацией “социальные машины”, предназначенные для разрешения определенных конфликтов, обеспечения и организации ряда заданных социальных процессов». Термин «машина» должен подчеркнуть, что социальные институты «представляют собой особую технику» для обеспечения организационных условий «технологических способов решения социальных проблем» [Его же 2012: 186]. Предлагаемый взгляд на технику Розин противопоставляет традиционной «научно-инженерной» картине мира, в рамках

которой считалось, что техника «не влияет на человека, поскольку является его средством», а природа «написана на языке математики и содержит процессы, на основе которых работает техника». Сегодня мы вынуждены признать, что это представление не соответствует действительности: техника меняет и природу, и человека. Но заменить устаревшую картину мира непросто, поскольку за ней стоят социальные институты и культурный тип современного человека, а все процессы «осознаются, манифестируются и артикулируются в рамках техногенного дискурса» [Розин 2012: 192–194].

Не только средний человек, который, «как социальный индивид, полностью обусловлен образами и ценностями техногенной цивилизации», разделяет стандартное мироощущение, но и «те, от кого сегодня зависит развитие современной технологии, включая власти, специалистов и экспертов», не пытаются переломить инерционный ход событий и «мыслят в рамках реалий техногенной цивилизации» [Его же 2006: 223–226]. Поэтому В. М. Розин приходит к выводу: изменение характера развития техники возможно, но оно «потребует от человека столь больших изменений (в области его ценностей, образа жизни, в самих практиках), что, по сути, будет означать постепенный уход от существующего типа цивилизации и попытку создать новую цивилизацию». Эта новая цивилизация также будет основана на технике, но иной, «более безопасной для жизни и развития человечества» [Там же: 248–249]. Людям придется создать новую мораль и перестроить характер своей деятельности, заменив привычную научно-инженерную картину мира «новыми представлениями о природе, технике, способах решения задач, достойном существовании человека» [Там же: 246]. Как видим, в рамках этой теоретической модели техника рассматривается как разновидность социальных практик, а преодоление техногенных проблем требует совершенствования общества в сторону его гуманизации.

Развиваются и другие философские концепции, предлагающие различные понимания сущности техники. В связи с современными научными тенденциями наибольший интерес представляет подход, представители которого считают технику природным, естественным явлением – порождением закономерного саморазвития Вселенной.

В настоящее время в науке господствует концепция глобального эволюционизма, постулирующая естественное возникновение и развитие всех объектов и систем – от Вселенной до человеческого общества. Идеи о преемственности процессов происхождения Солнечной системы и Земли, зарождения биологических видов и становления человечества развивались многими учеными, которые прослеживали усложнение этих систем, то есть повышение уровня их организации. Теперь от описаний фактов развития наука перешла к единой теоретической модели, признав существование эволюционного процесса космического масштаба: происходит последовательное порождение одного структурного уровня бытия (обладающего принципиально новыми свойствами) из другого [Попкова 2010: 71]. Но интуитивное предположение о существовании подобной модели стало научной парадигмой тогда, когда были разработаны методы исследования эволюционирующих объектов. Попытка охватить эволюционный процесс завершилась пониманием развития Вселенной в качестве самоорганизации сложноорганизованных систем: образование каждого нового типа устойчивых структур понимается как этап эволюции. В рамках постнеклассической науки принцип эволюции становится исходным: объединяя процессы движения и изменения, характеризует

процессы рождения и творения, единый глобальный эволюционный процесс соотносит между собой фундаментальные уровни организации материи как элементы целостности Вселенной [Попкова 2010: 119–134]. Постнеклассическая наука провозглашает: «Эволюция имеет сквозной характер, она проходит по всем иерархическим уровням организации мира: космическая эволюция, предбиологическая эволюция, эволюция живой природы, антропогенез, человеческая история...» [Князева 2015: 92]. Тенденции современной цивилизации все чаще анализируются с помощью этого принципа [Иванов, Снакин 2016; Князева 2016; Моисеев 1991; Назаретян 2015; Панов 2008; Степин 2003]. В частности, в рамках этой концепции становится понятным, почему локальные экологические мероприятия не решают глобальную проблему сохранения природы. Как замечает А. Д. Урсул, для улучшения состояния окружающей среды в местном масштабе неизбежно приходится снова брать ресурсы из более широкой биосистемы – биосферы [Урсул 2014].

Для современной эволюционной парадигмы науки Вселенная – это саморазвивающаяся система, в которой (согласно антропному принципу) заложен вектор роста и усложнения. Развитие природы есть самоорганизация или эволюция: ее цель – повышение степени организованности Вселенной и ее частей. Техническая активность в общем одобряется: считается, что человек как творец искусственного мира – не исключение среди живых существ, а продолжатель общей тенденции совершенствования биосферы: все живое изменяет природу. Способность человека к рациональному технологическому изменению мира появилась в ходе самоорганизации космической системы и, следовательно, несет эволюционный потенциал. Парадигма самоорганизации, развиваемая современным естествознанием, не знает такой категории, как «искусственное»: все, что разворачивается во Вселенной, порождено единым процессом усложнения систем, даже если промежуточной причиной являются разумные существа. Сторонники этого подхода, снимая противопоставление естественного и искусственного, видят в техническом изменении природной среды лишь увеличившую скорость и масштабы разновидность биогенного тока атомов, а в человеке – посредника, через которого это закономерное изменение темпов произошло. Вместе с самосознанием и разумом люди получили возможность осознанно делать то, что на низших уровнях организации происходило по воле слепых законов или инстинктов: реализовывать новые состояния материальных объектов, которые, не противореча законам природы, имели бы исчезающе малую вероятность возникнуть естественным путем. Техника выполняет только то, что человек от нее требует; отсутствие контроля над ней в настоящее время – следствие отставания интеллектуального развития людей от технического (налицо разрыв между технологиями материальными, бурно развивающимися со времен НТР, и культурой, которая остается на прежнем уровне) [Попкова 2014б: 315–317].

Философские дискуссии начинаются при обсуждении вопроса, бывают ли у глобальной эволюции тупики: могут ли, например, люди, приняв неверное решение, погубить себя и свою планету. Традиция, восходящая к русскому космизму, рассматривает человеческий разум как новый ведущий фактор эволюции Вселенной, а технику – как послушный инструмент для реализации этой великой цели. Утверждается, что люди (и вообще разумные существа) – будущие лидеры эволюции, спасители биосферы от неминуемого угасания. Разум поможет преодолеть грозящую из-за возрастания энтропии гибель космоса и распространит жизнь

до самых границ Вселенной. Поэтому люди должны не подчиняться природе (обреченной, согласно естественным процессам, на гибель), а совершенствовать ее и этим продлевать ее существование. Не ошибкой исторического развития видится здесь технический прогресс, а орудием эволюции. Но человек, хотя и стал главной геологической силой, не осознал своей планетарной ответственности, в результате чего и появились экологические трудности; как только сознание людей достигнет уровня, необходимого для управления собственной техникой, они станут совершенствовать природу. Прогрессистский оптимизм этой концепции критикуется [Попкова 2014а: 71–82].

Итак, в основу анализа технической реальности можно положить универсальное понятие эволюционирующей системы. Наработки в области системного анализа и синергетики позволят исследовать характеристики техники: основные виды причинности, способы проявления ее нелинейности и открытости, механизмы обеспечения ее устойчивости по отношению к окружающей среде (способности техники сохранять свои основные параметры при взаимодействии с внешней средой, в том числе и при субъективных попытках управления ею), многообразные способы существования технических объектов и пути их эволюционирования. Некоторые философы подозревают это понимание техники в оправдании хищнического природопользования. Так, В. А. Кутырев предостерегает: «Универсальный эволюционизм, ставший сейчас парадигмой фундаментальной науки... лишает самостоятельного статуса любую существующую в данный момент форму бытия. Она рассматривается только как средство и фактор дальнейшего развития... Настоящее – лишь трамплин для будущего» [Кутырев 1998: 11]. На самом деле с этой точки зрения техническая реальность рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, в которой ведущую роль играют не внешние воздействия (в том числе и целенаправленная деятельность человека), а адаптивные процессы (направленные на решение проблем, возникающих в ходе взаимодействия элементов системы) [Попкова 2014в: 218–230]. Здесь техника – создаваемые человеком средства и способы преобразования материальных объектов и получения веществ, которые не могут быть воспроизведены внетехническим путем. Технический прогресс предстает как управляемая законами природы техноэволюция, относительно автономная от человеческой воли и социальных факторов [Ее же 2014б: 136–138].

На основе этих положений был выдвинут ряд концепций, анализирующих историческое и техническое развитие человечества. Среди них – Большая, или Универсальная, история: развивающееся с 1970-х гг. «междисциплинарное направление, включающее в единый контекст эволюцию Вселенной, Земли, биосферы, культуры и мышления» [Назаретян 2008: 5], сторонники которого (Д. Кристиан, А. П. Назаретян, Ф. Спир, Дж. Даймонд и др.) видят человечество подсистемой эволюционирующего космоса. Утверждается, что их развитие нужно изучать одновременно: формирование первобытного общества нельзя понять без представления о возникновении человеческого вида, а развитие вида *Homo sapiens* следует анализировать в рамках эволюции жизни на Земле. Те «явления, которые на более низком уровне анализа могут казаться хаотическими, обнаруживают большую упорядоченность при рассмотрении в отдаленной, всеобъемлющей перспективе» [Спир 1999: 159]. Если классическая наука говорила о деградации мира и росте энтропии, то Универсальная история, рисуя «цельную картину эволюционных процессов от Большого взрыва до современного общества», основана на совре-

менной эволюционной космологии и теории самоорганизации, показывающих, как «открытые физические системы способны спонтанно удаляться от равновесия с внешней средой и, используя ее ресурсы, стабилизировать неравновесное состояние». Универсальная история, по словам А. П. Назаретяна, предполагает, что «социальная (в том числе духовная), биологическая, геологическая и космофизическая истории представляют собой стадии единого эволюционного процесса» [Назаретян 2008: 9–11].

Как считает Д. Кристиан, Универсальная история «помогает увидеть историю человечества в целостности и в собственном контексте», но для этого она «требует постановки вопроса о нашем месте во Вселенной» [Кристиан 2001: 139–140]. Так, согласно обычной трактовке истории, «соблазнительно представить прогресс... определяющей чертой нашего вида». Но нельзя ограничиваться последними тысячелетиями истории человечества: это приведет к неверным выводам. Люди большую часть своей истории жили собирательством и охотой, не оставляя свидетельств об исторических событиях; но исключать из рассмотрения дописьменную историю не следует. Рассмотрение последних пяти тысячелетий действительно может привести к мнению, что увеличение производительности технологий – основная черта истории. Но в более крупном масштабе «человеческая история несколько сотен тысяч лет будет повестью о маленьких популяциях и их локальных изменениях... а затем – о внезапном и впечатляющем количественном росте», занимающем не более 0,2 % этого периода. Следовательно, «рост в истории человечества – скорее не норма, а отклонение». Этот взрывной рост уже наводит на иные, тревожные ассоциации – с ростом популяции микробов в организме, пораженном инфекционной болезнью: «Бацилла человека захватывает мир» [Там же: 140–142].

С 1990-х гг. идет разработка социоестественной истории (Э. С. Кульпин, В. И. Пантин, Т. Ф. Столярова и др.), стремящейся анализировать социальные явления в единстве с биосферными и прогнозировать социально-экологические кризисы. Процессы общественного развития объясняются взаимодействием общества и природы [Кульпин 2011]. Ранее предложенные исторические подходы, по словам Э. С. Кульпина, показывали только мир людей, слабо раскрывая взаимодействие Человека и Природы. Но человек – часть системы «неживая природа – живая природа – общество», поэтому социоестественная история показывает, что «эволюция общества, в том числе в ее политической и идеологической части, определялась характером взаимоотношений человека и природы – технологиями» [Его же 2008: 197–199]. Технологии, или «своеобразные правила игры человека с природой», формируются «в полном соответствии с мировоззрением, жизненными установками людей». Поэтому среди задач социоестественной истории – «выявление взаимосвязи между мировоззрением и технологией» и «моделирование систем ценностей для разных цивилизаций». Ее сверхцель – «выявить систему основных ценностей цивилизаций, увидеть ее трансформацию в контексте изменяющихся взаимоотношений человека и природы» [Там же: 207]. Предлагаются и другие исторические подходы.

Таким образом, представление технической реальности как стадии саморазвития Вселенной имеет эвристический потенциал и используется в современной науке. Но философия задает вопросы, на которые у естественных наук пока нет ответа. В частности, рассматривая техноэволюцию как естественный процесс и провозглашая техническую реальность более высоким эволюционным уровнем,

нежели биологическая, можно выдвинуть неожиданную гипотезу, что человек (и – шире – биологический мир) утратил эволюционное лидерство и начинает инволюцию, признаком которой и являются современные проблемы. Тенденция эволюции закономерно ведет к появлению все новых, более сложных объектов и систем (космогенез, биогенез, социогенез); вполне вероятно, что наступит и следующая эволюционная ступень, на которой сохранение и приращение информации будет происходить небиологическим путем.

Технический прогресс объясняется в русле концепции глобального эволюционизма через признание биологической и технической реальностей двумя последовательными ступенями лестницы эволюции. Развитие – это изменение, порождающее упорядочивание связей данной системы, усложнение ее структур, увеличение содержащейся в ней информации. Человечество (как подсистема биосферы) уже достигло определенного уровня развития таких прогрессивных (для эволюции) характеристик, как самоорганизация, саморегулирование, самообновление. Очевидно, новый, восходящий уровень бытия должен обладать не меньшей их степенью, к тому же иметь способность к самовоспроизводству. Что из существующего подходит на роль реальности более сложной и более активно осуществляющей переработку внешней, «естественной» среды во внутреннюю, «искусственную»? Только техническая реальность! В современном мире именно техника обладает всеми признаками развивающейся подсистемы: повышает свою взаимосвязанность и взаимозависимость, а также наращивает темпы переработки информации, одновременно увеличивая автономию от внешней среды. Вызывает сомнение лишь достигнутая техникой степень самоорганизации. Но наивное понимание техники как послушного механизма побуждает людей совершенствовать ее, приближая переход от биологической эволюции к самоподдерживающейся технической. Быть может, человек – не просто возникший в ходе естественных процессов усложнения материальных систем носитель разума на биологической основе, но и средство для достижения высшего состояния космоса, создатель нового уровня реальности – технической? Техническая деятельность человека может оцениваться как лежащее в русле саморазвития Вселенной совершенствование биогенного тока атомов (ускорение переработки природных ресурсов и увеличение ее масштабов). Быть может, не человек эксплуатирует природу, а она использует его для следующей ступени эволюции? Глобализация управления человечеством формирует недостающее техносфере структурное подобие мозга и центральной нервной системы: мощность связей между локальными техническими комплексами начинает перевешивать сохраняющиеся между ними противоречия. Рациональность формализуется, технологизируется и отделяется от человеческого мозга; технические устройства моделируют нейронные сети, приобретая способность решать все расширяющийся круг задач: идентификацию объектов, управление ими, прогнозирование, принятие решений и т. д. Рост и усложнение технических структур объективно ведут к уменьшению их управляемости человеком. Но развитие одной из подсистем биосферы неизбежно происходит за счет деградации других подсистем: развитие человечества – за счет природы, а развитие техники – за счет человечества. Эволюция в природе неразрывно связана с инволюцией: если система в целом повышает свою организованность, наращивая разнообразие, то ряд ее подсистем регрессируют – упрощают свое содержание, снижая степень упорядоченности. Инволюция системы, процесс ее упрощения и возврата к более простым формам – закономерный элемент саморегуляции более

обширной системы, механизм ее перевода в новый режим функционирования. Следовательно, современная эпоха – переход эволюционного потенциала от человечества к технике. Развивается не биосфера, а система высшего уровня – космос. Если техника – не порождение нашего разума, а новый уровень бытия, который вырастает из предшествующего и вскоре превзойдет его, то она по сути своей вредна для природы: не потому, что разрушает ее (понижая степень организованности биосистем), а потому, что является следующей ступенью развития и новым шагом на пути самоорганизации материи.

Итак, данный подход к анализу техники рассматривает современную эпоху как этап глобальной эволюции, в планетарном масштабе заключающийся в концентрации эволюционного потенциала на уровне технической реальности за счет инволюции объектов предыдущих уровней – биологического и социального. Это объективный процесс, темпы осуществления которого субъективны (поскольку самоорганизация технической системы еще не достигнута). Человечество по мере исторического развития настолько ускорило процесс переработки информации, что дальнейший его рост на биологической основе стал невозможным. И, повинуясь воле эволюции, люди сотворили своего победоносного конкурента – менее прихотливого к условиям внешней среды, работающего на таких скоростях и в таких масштабах, которые недоступны людям. Прорывая рамки биологического и используя ресурсы живого вещества в качестве трамплина для собственного совершенствования, техника может сегодня рассматриваться как локомотив эволюции Вселенной [Попкова 2014б: 174–175].

Такой вывод кажется неожиданным и шокирующим, но логическое развертывание тезисов эволюционного подхода ведет именно к нему. Все чаще раздаются предостерегающие голоса философов: «Для развития техники природа как нечто живое, естественное нужна на первоначальном этапе, пока она является продолжением органов человека... Выйдя на уровень автоматов, она способна к саморазвитию». Возможно, предполагает В. А. Кутырев, человек для эволюции уже не нужен и его деградация естественна: «Движение от жизни и природы к технике, к космосу, от естественного к искусственному – это стрела, пронзающая всего человека» [Кутырев 1994: 41–44]. Делаются тревожные прогнозы: «Техника перестает быть средством деятельности человека, его “орудием”. Она партнерствует с ним, а во многом решительно подчиняет... Стихийная логика производства... ведет к тому, что оно способно полностью развиваться само на себя... Начинают самоорганизовываться не только предметно-технические, но и информационно-технические системы, на определенном же этапе они начинают самопрограммироваться» [Там же: 16–20].

Итак, если мы продолжим рассмотрение техногенеза как естественного процесса, нам придется концептуализировать техническую реальность в качестве следующей эволюционной ступени, более совершенной, чем биологическая [Попкова 2014а: 155–174]. Научное обоснование подобной точки зрения проблематично (в связи с тем, что причины и цели мироздания недоступны нашим исследованиям), но важность поднимаемых вопросов несомненна. Что делать человечеству? Препятствовать законам эволюции невозможно, помогать им – самоубийственно. Экологический кризис в этой модели закономерен. Для современного человечества характерен ряд глобальных проблем: многие изменения социальных, политических, экономических, духовных основ жизни людей могут быть интерпретированы как признаки деградации. Многообразие социально-куль-

турных моделей угасает: массовая культура выступает мощным средством унификации поведения. Универсализация и стандартизация индивидуального и национального бытия, нивелировка личностного начала и подавление его массовыми социальными и культурными процессами – все это можно оценивать как признаки того, что саморазвитие человечества уже не поддерживается законами эволюции. Человек лишается четких ценностных ориентиров: формируется «глобальный потребитель», уверенный, что все проблемы можно решить, потребляя соответствующие вещи и услуги, произведенные технологически. Началось снижение жизнеспособности людей из-за потери внутреннего многообразия человечества – источника его развития и самосохранения. Социальный прогресс стал средством для развертывания технологий: в итоге технологическое обновление развивается автоматически, а его социальное регулирование слабеет. Сохранение прежнего человека противостоит вектору эволюции, ведущему его к превращению в элемент техносферы. Со временем закончится развитие человеческого общества, угаснет механизм его обеспечения (подобно тому, как живое уже не возникает из неживого, в техногенных условиях перестанут создаваться новые системные комплексы в экономико-географическом пространстве). Социальная система (гармонически упорядоченная совокупность самодетерминированных процессов, имеющих тенденцию к повышению социальной организованности) перейдет в состояние подсистемы техносферы и подчинится техногенным закономерностям. Воспроизводство конститутивных признаков социума нарушится, механизмы поддержания его параметров в пределах нормы разладятся, и лишенному уютной техногенной среды человечеству придется снова начинать борьбу с природой – уже со «второй».

Разумеется, поголовное вымирание людям не грозит: сохранятся даже низшие формы жизни, не говоря уже о структурах неживой природы. Но какой ценой? Как правило, для своего сохранения «устаревшему» биологическому виду придется найти узкую экологическую нишу, не представляющую интереса для вида «восходящего». Печальный прогноз... Может быть, человек сможет предотвратить это будущее, если он не станет надеяться на естественные процессы (которые уже «играют» против людей и направлены не на создание новых структур социокультурного бытия, а на их нивелировку), а вспомнит о том, что социальные системы отличаются от других (неорганических и органических) тем, что в них входят люди, обладающие сознанием и волей, поэтому самоорганизация в них дополняется сознательной организацией. Если процессы, деструктивные для человечества, становятся «естественными», то необходимо активное вмешательство в их осуществление. Козволюция с биосферой приведет к угасанию и ее самой, и человечества. Нужно разрабатывать планы замедления этих процессов, что может произойти лишь путем технического регресса [Попкова 2014б: 294–299]. Вот какие неожиданные выводы могут последовать при логической разработке тезисов глобального эволюционизма!

Итак, парадигма самоорганизации беспощадно пресекает мечты человека о вечном господстве, основанные на осознании своего «совершенства»: эволюционный процесс не стоит на месте, и вслед за наиболее развитым на сегодняшний день уровнем разумной жизни он готовит восхождение следующего уровня организации материи – более способного к экспансии, который в перспективе подчинит себе остальные. Допустим, что эта эволюционная перспектива (печальная для нас, людей, но входящая в план саморазвития Вселенной) верна: перед нами – не

теоретическая модель, используемая для синтеза имеющихся знаний, а реальный прогноз. Что делать? Прежде всего даже научно обоснованный прогноз – не приговор. Существует вариативность в развитии: вектор эволюции в отдельных областях пространства может замедляться, асимптотически приближаясь к нулю (например, живое возникло далеко не по всей Вселенной). Отслеживая тревожные тенденции (техника выходит из-под власти человека – он физически и умственно теряет способность отслеживать технологические процессы и, следовательно, управлять ими), мы сможем осознать нежелательные для нас процессы и оказывать на них точечные воздействия, не затрачивая силы на обсуждение нереализуемых рекомендаций.

Следует помнить и об относительной точности любой теоретической модели: «В принципе любая система может быть описана и как естественная, и как искусственная. Система с естественной точки зрения рассматривается как самодвижущийся организм, то есть объект, развивающийся по своим внутренним законам... С искусственной точки зрения система рассматривается как конструируемый извне механизм» [Горохов 2007: 125]. Мы имеем право рассматривать технику в ее взаимодействии с природой как искусственный феномен, а в контакте с человеком – как естественный: далекоидущие выводы останутся такой же полезной абстракцией, как и многие математические модели.

Таким образом, получаемые с помощью философского анализа выводы относительно причин современных экологических трудностей и возможных путей выхода из них зависят от используемого понимания техники. Предлагаются различные варианты ее понимания, на основе которых разрабатываются философские подходы. Поскольку традиционное, инструментальное понимание техники показало свою недостаточную эффективность при анализе глобальных проблем, наибольший эвристический потенциал имеют концепции, рассматривающие технику со стороны ее социальной обусловленности или ее положения в эволюционной картине мира. Изменение представлений о сущности техники ведет к получению новых, неожиданных прогнозов развития техногенного общества и помогает по-новому взглянуть на перспективы человечества (или, по крайней мере, на границы применимости различных теоретических моделей).

Литература

- Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук: учебник. М. : Гардарики, 2007.
- Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.
- Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.
- Князева Е. Н. Универсальный эволюционизм: паттерны, которые связывают // Философские науки. 2015. № 3. С. 90–103.
- Князева Е. Н., Алюшин А. Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.
- Кристиан Д. К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 137–146.
- Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 196–207.

Кульпин Э. С. Технологическое зеркало общества // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 196–207.

Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород : Нижний Новгород, 1994.

Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ. Серия 7 «Философия». 1998. № 3. С. 3–16.

Лось В. А. Социоприродное измерение глобализации // Век глобализации. 2016. № 3. С. 48–56.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм (позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Назаретян А. П. Универсальная (Большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 5–24.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мега-истории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.

Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 26–48.

Петров К. М. Эволюция и коэволюция биосферы-ноосферы // Биология и культура. М. : Канон+, 2004. С. 342–358.

Попкова Н. В. Методология философского анализа техносферы // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 3. С. 823–831.

Попкова Н. В. Философская экология. М. : URSS, 2010.

Попкова Н. В. Антропология техники: Становление. М. : ЛИБРОКОМ, 2014а.

Попкова Н. В. Введение в метафизику техники. М. : ЛЕНАНД, 2014б.

Попкова Н. В. Философия техносферы. М. : ЛИБРОКОМ, 2014в.

Розин В. М. Понятие и современные концепции техники. М. : ИФ РАН, 2006.

Розин В. М. Техника и социальность: Философские различия и концепции. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты // Век глобализации. 2010. № 2. С. 105–114.

Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 152–163.

Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

Урсул А. Д. Космоглобалистика: генезис и направления исследований // Век глобализации. 2012. № 2. С. 17–31.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16–27.